

РАНГОВОСТЬ СУБЪЕКТНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПРОИЗВОДНЫХ НАЗВАНИЯХ ЛИЦ РУССКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИХ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 25.
УДК 81'373.611+81'367.625

Виноградов Анатолій. Ранговість суб'єктних компонентів у похідних назвах осіб російської та угорської мов як їх концептуально-мовна характеристика; 13 стор.; кількість бібліографічних джерел – 27; мова російська.

Анотація. У статті йдеться про взаємозв'язок між рангом компонентів із значенням особи (S-компонентів) у похідних корелятивних назвах осіб (НО) російської (РМ) та угорської мов (УМ), мотивованих основними частинами мови, як показника ідіоетнічності мовного змісту концептуальних форматів цих НО.

Ключові слова: ранговість компонентів, ЛСГ мотивуючих, структура НО-комполітів УМ, концептуальний формат НО, ідіоетнічність змісту НО в мовах.

Суб'єкт (S) – важнейшая семантическая категория языка, выражаемая на разных уровнях, он входит в число центральных семантических категорий высказывания. Ближайшим по ассоциации репрезентантом обобщенного концепта 'суб'єкт' является понятие лица, а еще точнее – понятие лица-деятеля. Такого стандартное, прототипическое понятие S в самых разных языках, ибо в обыденном сознании S интерпретируется прежде всего как агентивная сущность¹.

В плоскости словообразования стандартное выражение S осуществляется в производных именах существительных, называющих лиц по самым различным социально-естественным признакам – профессиональным, интеллектуальным, поведенческим, физическим, психическим и т.д. Е.С. Кубрякова отмечает широкое участие словообразования в выражении соответствующих характеристик лица [11, с.164]. Для языка вообще очень важно «деление существительных на названия лиц и названия не-лиц», и семантическая оппозиция «лицо – не-лицо» является в нем одной из основных [20, с.181]. Так, словообразовательное выражение субъекта в русском языке (РЯ) маркируется множеством суффиксов (см., в частности [17, с.142-226]), из которых большая часть используется дифференцированно в зависимости от мотивирующих частей речи и их внутренних семантических группировок. Принадлежность слова – названия лица (НЛ) – к той или иной ЛСГ в целом неразрывно взаимосвязана с его мотивированностью/немотивированностью².

Однако в языках иного строя, естественно, для получения названий лиц приоритет может иметь другой способ или способы. Так, в венгерском языке (ВЯ) суффиксация для образования НЛ почти не используется: в нем, как указала К.Е. Майтинская, ведущими способами являются в данном случае субстантивация и сложение [13, с.24]. Строго говоря, коррелятивные русским суффиксальным НЛ венгерские НЛ – это единицы иного уровня. Заметим попутно, что сопоставительное описание языков, особенно тех, которые сильно отличаются друг от друга

своим устройством и генетической принадлежностью (как РЯ и ВЯ), номинатов, эквивалентных семантически, но относящихся к разным языковым уровням, – обычное явление; на это обратили внимание авторитетные ученые еще на заре контрастной лингвистики [22, с.6-7; 23, с.495], [14, с.60]. «При сопоставительном изучении языков разных типов, когда вовлекаются в орбиту исследования содержательные стороны данного явления, почти всегда оказывается невозможным ограничиться одним уровнем языка» [21, с. 11].

Сопоставительное изучение словообразовательного выражения субъекта-лица (S) на материале РЯ и ВЯ, насколько нам известно, еще не проводилось (если не считать некоторых наших работ, в которых была сформулирована соответствующая проблематика и общая характеристика соотношения НЛ РЯ и ВЯ [3-9]). Это обстоятельство мотивирует актуальность данного исследования. Полученные в нем результаты имеют прежде всего теоретическое значение, поскольку подобные исследования органически вписываются в парадигму когнитивной лингвистики, предметом которой является изучение языковой концептуализации множества предметно-понятийных областей³, осуществляемой на разных языковых уровнях. Сопоставление «в альянсе» с когнитивной лингвистикой приобретает свойство особенно действенного фактора, позволяющего «лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользнуть от исследователя при одном лишь внутреннем изучении языка» [10, с.9].

Объектом данного исследования являются корреляции русских суффиксальных НЛ и семантически им эквивалентных композитов-НЛ разной структуры в ВЯ. Эти композиты эксплицируют семантические компоненты русских суффиксальных НЛ с общим значением лица, но разного ранга: от общекатегориального наименования типа 'человек'/ 'лицо', которое можно квалифицировать как **мегасуб'єкт**, до более частных наименований – **метасуб'єктов** 'рабочий', 'работник', 'служащий', 'член', 'участник', 'автор' и нек. др. Кроме того, в

содержании суффиксальных НЛ РЯ выделяются также апеллятивы гиперонимического характера типа *врач, художник, спортсмен, ученый* и др., которые хотя и не имеют того же статуса обобщения и абстракции, что упомянутые мега- и метасубъекты, но в то же время не являются «конечными» названиями лиц. Ср.: *врач* – *терапевт, хирург, психиатр, фтизиатр* и мн. др.; *художник* – *пейзажист, маринист, жанрист, баталист* и т.д. Эти компоненты устанавливаются по толкованиям соответствующих НЛ в ТС РЯ [25], но все они одинаково «прикрыты» суффиксами с СЗ лица; соответствующие же русским суффиксальным НЛ венгерские композиты, включая эти компоненты в свою структуру, делают их явными. Например: *стари́к* [лексическое S-включение ‘человек’/‘мужчина’] – *öregember* < *öreg* ‘старый’ + *ember* ‘человек’, *ремонтник* [лексическое включение ‘рабочий’] – *javító munkás* < *javító* ‘ремонтнирующий’ + *munkás* ‘рабочий’ и др. Перечислим S-компоненты в композитных НЛ ВЯ: *ember* «человек», *személy* «лицо» – мега-S; *munkás* «рабочий», *szakember* «специалист», *műves* «мастер», *dolgozó* «работник», *híve* «сторонник», *tag* «член», *szerező* «автор», *lakó* «житель» – мета-S; *író* «писатель», *festő* «художник», *gyártó* «производитель», *készítő* «изготовитель», *kedvelő* «любитель», *kutató* «исследователь» и др. – субстантивированные причастия⁴ (апеллятивы-гиперонимы), выступающие в качестве маркеров лица в сочетаниях с существительными, которые приобретают в этом случае адъективный характер: *városlakó* «горожанин» (*város* «город»), *zsánerfestő* «жанрист» (*zsáner* «жанр») и др. (Кроме них, в роли S-компонентов могут выступать и «неокончательные» субстантиваты, т.е. не прошедшие до конца путь субстантивации причастия типа *adó* «дающий»: *tanácsadó* – (*tanács* «совет») «советчик», «советник»; о них речь пойдет ниже.)

S-компоненты в содержании коррелятивных НЛ РЯ и ВЯ могут как совпадать по рангу, так и не совпадать. Так, их ранговая идентичность в НЛ РЯ и ВЯ имеет место, например, в корреляциях *дикарь* – *vadember* (*vad* «дикий») [мега-S ‘человек’ = ‘ember’], *станочник* – *gépmunkás* (*gép* «станок, механизм») [мета-S ‘рабочий’ = ‘munkás’], *циркач* – *cirkuszművész* [S-апеллятивы *артист* = *művész*] и др. Но в целом ряде случаев S-компоненты в производных НЛ обоих языков относятся к различным рангам, например: *пожарник* – *tűzoltó* (*tűz* «пожар, огонь»), – мета-S ‘член’ в НЛ РЯ, а в ВЯ S-«псевдоапеллятив» – причастие *oltó* «тушащий», находящееся в процессе субстантивации; или *советчик* – *tanácsadó* (*tanács* «совет»), – мега-S ‘человек’ в РЯ (= «тот, кто» [25]) и S-«псевдоапеллятив» *adó* «дающий» в ВЯ и др. И это, на наш взгляд, является яркой характеризующей чертой специфичности концептуальной трактовки содержания соответствующих НЛ в том и в другом языке. Коррелятивность их (отраженная в переводных словарях [24; 26]) опирается на общность понятийного ядра у обоих⁵, включающего мегакомпонент ‘человек/лицо’; однако S-компоненты низших рангов (в совокупности с другими, не субъектными)

образуют неповторимое (и чаще всего не вполне тождественное) содержание концептуальных форматов соотносительных НЛ обоих языков.

Ранговое соотношение S-компонентов в содержании НЛ обоих языков и составляет главную задачу данного исследования. Мы попытались обнаружить связь (закономерность, тенденцию) между совпадением/несовпадением рангов включенных S-компонентов в содержании НЛ РЯ и ВЯ, с одной стороны, и отнесенностью суффиксальных НЛ РЯ к тем или иным мотивирующим частям речи и/или лексико-семантическим группам внутри последних – с другой. Сопоставление в содержании коррелятивных НЛ РЯ и ВЯ субъектных категориальных компонентов с точки зрения их ранговости может выявить весьма показательные факты расхождений в концептуально-номинационной базе, лежащей в основе словопроизводства НЛ в этих (как и любых других) языках.

Категории мега-S и мета-S относятся к уровню предикативных или непредикативных синтагм в основе словопроизводства соответствующего НЛ. Ср.: *советчик* – **тот, кто** (= ‘человек’) дает советы; *пожарник* – **член** пожарной команды [25]. Метасубъектам нами постулируется качество коррелятов-репрезентантов соответствующих примарных глагольных (мета)предикатов, которые выделяет, в частности, А. Мустайоки [15, с.186-188]. Так, метасубъектам ‘работник’, ‘сотрудник’, ‘рабочий’ соответствует семантическая область предиката «Действие» (‘ДЕЛАТЬ’), мета-S ‘член’, ‘участник’, ‘сторонник’ – область предиката «Отношение» (‘ВХОДИТЬ В/ОТНОСИТЬСЯ К’), мета-S ‘специалист’, ‘мастер’, ‘автор’ – область «Обладание» (‘ИМЕТЬ’ [знания, навыки]), мета-S ‘житель’ – «Локация» (‘НАХОДИТЬСЯ/ОБИТАТЬ В’) и т.д., – что подтверждает неслучайный характер их наличия в производных НЛ. Все мега-S мета-S и S-апеллятивы в русских суффиксальных НЛ, как уже было сказано, независимо от своего ранга одинаково «прикрываются» формантами со значением лица, однако в соответствующих венгерских НЛ-композитах различный ранг S-компонентов выражается эксплицитно (*ember, munkás, szerző, író* и т.д.).

В суффиксальных НЛ РЯ и в соответствующих им композитных НЛ ВЯ S-компоненты (мега-S, мета-S и S-апеллятивы – гиперонимы) можно, очевидно, отнести к лексическим включениям. Они представлены соответствующими морфемами⁶ (суффиксами в НЛ РЯ и субстантивными или субстантивированными основами композитов в НЛ ВЯ) и эксплицируют смысл соответствующих НЛ в виде единиц поверхностного (как в ВЯ) или семантического уровней (в РЯ). Л.А. Кудрявцева в качестве типичного примера лексических конденсатов (производных с лексическими включениями) отмечает «сложные и сложносокращенные слова, составные части которых передают значения каждого члена исходной (производящей) синтаксической структуры» [12, с.132]. Это, безусловно, верное заключение лингвиста, однако оно базируется на материале только одного языка – русского, и потому

лексические включенные компоненты значения в композитах не могут считаться их исчерпывающей и/или достаточной общеязыковой структурно-семантической характеристикой. Венгерские композиты-НЛ, являющиеся объектом нашего исследования, демонстрируют, что в их структуре могут быть и семантические включения. Например: *tejesember* «молочник», букв. «молочный человек», в котором имеются такие семантические включенные компоненты, как 'продавать', 'приносить' (предикаты) и 'на дом' (сирконстант) [27]. Кстати, двух последних семантических компонентов, т.е. 'приносить' и 'на дом', нет в содержании слова *молочник* в РЯ [25]. Примеры подобного рода не единичны, хотя в целом количество композитов-НЛ ВЯ с семантическими включениями значительно меньше числа композитов с лексическими включениями.

Однако сопоставление включенных компонентов содержания с точки зрения их типа (лексический – семантический) в семантически коррелятивных производных НЛ обоих языков представляет собой отдельную задачу. Здесь же мы ограничиваемся сопоставлением массивов корреляций русских десубстантивных, девербативных и деадъективных суффиксальных НЛ и эквивалентных им НЛ-композитов ВЯ на предмет рангового соответствия/несоответствия S-компонентов в их содержании. Предпринятый анализ позволяет констатировать следующее.

В НЛ-композитах ВЯ, коррелятивных НЛ РЯ, мотивированных глаголами семантической группы «Индустрия, производство», регулярно используется мета-S 'munkás' (= 'рабочий') в качестве родового обозначения профессиональной деятельности. Первые части таких НЛ-композитов – определения (причастия): *бурильщик* – *fűrómunkás* (*fűró* «бурящий»), *красильщик* – *festómunkás* (*festő* «красящий»), *пекарь* – *sütőmunkás* (*sütő* «выпекающий») и др. S-компоненты в обоих членах пар относятся к одному и тому же рангу – мета-S. Это характерно для композитов структуры $\text{Part}_{\text{adj}} \text{N}_{\text{meta-S}}$. В композитах же с иной структурой – $\text{N}_{\text{obj}} \text{Part}$ – у причастных элементов полностью отсутствует функция НЛ. Они лишь «намекают» на деятеля, не будучи субстантивами. Их мотивирующие глаголы не относятся к группе «промышленных». Естественной, поэтому, выглядит разноранговость S-компонентов в коррелятивных НЛ РЯ и ВЯ.

В композитах-НЛ ВЯ, коррелятивных русских суффиксальным НЛ, мотивированным не «промышленными» глаголами, эксплицированные компоненты, будучи причастиями, не достигшими статуса субстантивов, относятся к низшему рангу «псевдоапеллятивов». Это, например, причастия *adó* «дающий», *vevő* «берущий», *váltó* «меняющий» и нек. др. Самостоятельными (прошедшими полностью путь субстантивации) S-номинами, в отличие от субстантивированных *szereelő* («монтер, техник, механик»), *író* («писатель»), *készítő* («изготовитель»), *kutató* («исследователь»), *lakó* («житель»), *festő* («художник») и др., они пока что не являются. Если упомянутые «псевдоапеллятивы» и употреб-

ляются отдельно, то они не имеют субъектного значения: *váltó* «железнодорожная стрелка» (<*váltani* «менять»), *adó* «налог» (<*adni* «давать»), *vevő* «покупатель» (<*venni* «покупать, брать»). В составе НЛ-композитов они утрачивают субстантивную составляющую и вновь актуализируют глагольность, как в *pénzváltó* «меняла» (*pénz* «деньги»), *jeladó* «сигнальщик» (*jel* «знак, сигнал»), *résztevő* «участник» (*rész* «часть»). В соответствующих же русских суффиксальных НЛ включенные лексические S-компоненты чаще всего имеют ранг мегасубъекта 'человек' (в толкованиях ТС [25] – «тот, кто»): *гуляка*, *прогульщик* – *munkakerülő* (*munka* «работа», *kerülő* «избегающий»), *консультант* – *tanácsadó* (*tanács* «совет», *adó* «дающий») и др.

В приведенных выше венгерских композитах структуры $\text{N}_{\text{obj}} \text{Part}$ с «псевдоапеллятивами» эксплицируется объект, охваченный действием, который имплицитно содержится в русских девербативных суффиксальных НЛ (является семантическим включением): *заклинатель* – *kigyóbűvölő* (*bűvölő* «заклинающий»), *сказитель* – *mesemondó* (*mondó* «рассказывающий»), с семантическими включениями-объектами *kigyó* «змея» и *mesé* «сказка», причем оба венгерских композита по значению несколько уже коррелятивных русских девербативных НЛ; *информант* – *válaszadó*, *прогульщик* – *munkakerülő* (включенные семантические объектные компоненты *válasz* «ответ», *munka*) и др.

В композитах-НЛ ВЯ, соответствующих деадъективным суффиксальным НЛ РЯ, родовым наименованием (эксплицированным лексическим S-компонентом) также выступает мета-S 'munkás', если мотивирующие русских суффиксальных НЛ – прилагательные с тем же «промышленным» значением: *текстильщик* – *textilmunkás*, *металлист* – *fém munkás* (*fém* «металл, металлический»), *литейщик* – *öntőmunkás* (*öntő* «литейный»). Либо в композитах ВЯ имеется эксплицированный мета-S 'ember' [27] (= 'человек'), если мотивирующие прилагательные называют нравственную или физическую характеристику лица: *мерзавец/негодяй/подлец* – *gazember* (*gaz* «мерзкий, подлый»), *старик* – *öregember*. Если же НЛ РЯ не мотивированы прилагательными указанных семантических групп, то в их венгерских композитных соответствиях ранг эксплицированных S-компонентов может не совпадать с рангом субъекта в таких НЛ РЯ; и в самих этих НЛ включенные субъекты могут быть разного ранга. Ср.: *электрик* – *villany szerelő* (*villany* «электричество, электрический») [S-апеллятивы 'монтер, техник' = *szereelő*]; но *газовщик* – *gáz szerelő* [мета-S 'работник' ≠ апеллятив *szereelő*], *ядерщик* – *atomfizikus* [мета-S 'специалист' ≠ апеллятив *fizikus*] и др. Какие-либо регулярные закономерности в ранговом соответствии S-компонентов в содержании НЛ РЯ и ВЯ здесь, очевидно, установить нельзя.

Соотношение S-компонентов в русских суффиксальных десубстантивных НЛ и коррелятивных венгерских композитах представляет собой довольно сложную картину. С одной стороны, в структуре композитов-НЛ ВЯ эксплицируются

трансформированные в имена предикатные компоненты в содержании русских НЛ; при этом мега-S 'тот, кто' в рамках ономазиологического биннома 'тот, кто (S) + P (V)' свертывается до ранга обычного апеллиатива (не гиперонима). Субъектные компоненты в содержании НЛ обоих языков в этом случае одного и того же ранга: *таксист* – *taxisofőr* ['водитель' < 'тот, кто водит' = *sofőr*], *вкладчик* – *letéttulajdonos* (*letét* «вклад») ['владелец' = *tulajdonos*], *медвежатник* – *medvevadász* (*medve* «медведь») ['охотник' = *vadász*], *предметник* – *szaktanár* (*szak* «учебный предмет») ['учитель' = *tanár*], *тенисист* – *teniszjátékos* ['урок' = *játékos*], *книжник* – *könyvbarát* (*könyv* «книга») ['друг, любитель' = *barát*] и др. Один и тот же ранг (мета-S) имеют S-компоненты в корреляциях НЛ *партиец* – *párttag* ['член' = *tag*], *путьец* – *pályamunkás* (*pálya* «рельсы») ['работник' = *munkás*]. Приведенные примеры относятся к композитам ВЯ структуры N+N. Ранговое соответствие S-компонентов в НЛ обоих языков в этом случае имеет в общем регулярный характер, несмотря на отдельные примеры несовпадений: *географ*⁷ – *földrajztudós* (*földrajz* «география») ['специалист' ≠ или ≈ *tudós* «ученый»] и нек. др.

С другой стороны, если венгерский композит-НЛ имеет структуру N+Part_{subst}, то эксплицированный в нем S-компонент может как совпадать, так и не совпадать по рангу с S-компонентом в русском НЛ. Так, одинаковые по рангу апеллиативы-гиперонимы отмечаются в корреляциях, возглавляемых русскими НЛ, которые мотивированы существительными ЛСГ «Объект культуры, искусства»: *прозаик* – *prózaíró* ['писатель' = *író*], *очеркист* – *karcolatíró* (*karcolat* «очерк»), *портретист* – *arcképfestő* (*arckép* «портрет») ['художник' = *festő*], *пейзажист* – *tájképfestő* (*tájkép* «пейзаж») и др. Такое соотношение S-компонентов в НЛ обоих языков также можно рассматривать как закономерность (тенденцию) в передаче концептуальной характеристики в них субъектов по вовлеченным в их предметно-понятийные области объектам. Но иногда мега-S или мета-S в содержании русских десубстантивных суффиксальных НЛ в венгерских композитах-НЛ соответствуют S-компоненты иного ранга. Так, с одной стороны, в толкованиях таких, например, НЛ РЯ, как *очеркист* и *прозаик*, используется гипероним-апеллиатив *писатель* [25],

а в других НЛ этой же семантической группы – *беллетрист*, *новеллист*, *памфлетист* и др. – мета-S 'автор', хотя все они обозначают лицо, занимающееся писательской деятельностью. НЛ *фельетонист* толкуется вообще через мега-S 'человек' (= 'тот, кто...' [25]). Во всех же эквивалентных композитных НЛ ВЯ используется S-компонент (апеллиатив) *író*: *фельетонист* – *tárcaíró* (*tárca* «фельетон»), [мега-S 'тот, кто' ≠ *író*], *сценарист* – *forgatókönyvíró* (*forgatókönyv* «сценарий») [мета-S 'автор' ≠ *író*], *мемуарист* – *emlékiratíró* (*emlékirat* «мемуары») [то же], *текстовик* – *szövegíró* (*szöveg* «текст») [то же], *памфлетист* – *pamfletíró*, *сатирик* – *satíráíró*, *либреттист* – *librettóíró* и др. Расхождений в ранге компонентов в корреляциях НЛ этого типа еще больше, если мотиваторы-существительные суффиксальных НЛ РЯ относятся к иным ЛСГ. Таким образом, следует отметить известную неустойчивость в словарном толковании содержания однотипных русских НЛ, в то время как семантика их словообразовательных моделей отражена в венгерских эквивалентных НЛ-композитах гораздо последовательнее.

Сравнивая в целом «технику» и тенденции в словообразовательном выражении субъекта в ВЯ и РЯ, можно констатировать стремление ВЯ к максимально эксплицитному, лексическому его выражению в рамках композитов различной структуры. Это, разумеется, облегчает его «узнавание». В РЯ идентификация тех или иных суффиксов в производных существительных именно как формантов с субъектным СЗ в гораздо большей степени зависит от семантических классов и подклассов мотивирующих частей речи. Это обуславливает их значительную семантическую нагруженность и неоднозначность в качестве номинирующего средства. Концептуализация предметно-понятийной области 'субъект' в плоскости словообразования в обоих языках имеет как сходные, так и различные признаки, причем различий больше, чем сходств (что неудивительно с учетом совершенно разной типологии и происхождения обоих языков). Совпадение в ранговой принадлежности субъектных компонентов в содержании суффиксальных и композитных НЛ в обоих языках относится лишь к отдельным участкам в общем массиве их корреляций и в той или иной степени связано с вхождением/невхождением мотивирующих слов для русских НЛ в те или иные ЛСГ.

Примечания

¹ А. В. Бондарко замечает, что «в языковой интерпретации семантики субъекта определяющую роль играет та его разновидность, которая отражена в понятии “агенса”, обобщающем языковое представление реальных производителей реальных действий» [2, с. 146].

² И.С. Улуханов, например, отмечает, что в группах НЛ, обозначающих военнослужащих и служителей церкви, заметно преобладают немотивированные слова, «что объясняется их номенклатурным характером». В то же время в группах НЛ, относящихся к таким предметным сферам, как 'искусство, творчество', 'экономика, промышленность' и 'территория, местожительство' безусловно преобладают мотивированные существительные [19, с. 71].

³ Ср.: «Когнитивная лингвистика <...> ставит своей целью изучение когнитивной функции языка во всех ее проявлениях. Достижение данной цели предполагает решение целого ряда общих и частных задач, к числу важнейших из которых, несомненно, относится и задача выявления и описания концептуальной основы языка как системы» [1, с.25].

⁴ К.Е. Майтинская называет их «мнимыми причастиями», т.к. они полностью утратили свою глагольность и являются субстантивированными прилагательными «в форме причастия» [13, с. 208]. Их нужно отличать от приводимых ниже причастий – «неокончательных» субстантиватов.

⁵ Ранее мы уже отмечали, что термины «понятие» и «концепт» в лингвокогнитивных исследованиях различаются все настойчивее. Понятие как универсальная логико-психологическая единица характеризует мышление любого индивида независимо от его этнической принадлежности и выражается в разных языках различными способами (языковыми единицами различных уровней); концепт же опирается на ассоциативную базу и этнически «специфицирован» [8, с.97], т.к. он «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [16, с.52]

⁶ Л. А. Кудрявцева, разграничивая лексическую и семантическую конденсацию в акте словопроизводства, отмечает, что «при лексической конденсации универбация происходит без включения невербализованного компонента значения, поскольку составные части производного слова передают значения каждого члена исходной синтагмы» [12, с. 121]; «содержание производного выводимо из значения составляющих его морфем» [там же, с.156].

⁷ И. С. Улуханов усматривает в парах типа *биолог – биология* (сюда же относится и пример *географ – география*) противоположное направление словообразовательной мотивации по сравнению, например, с парой *историк > история* [19, с.140]. Мы же придерживаемся мнения, что в НЛ на *-лог* присутствует нулевой суффикс со значением лица, т.к. они соответствуют регулярной словообразовательной модели ‘отрасль знаний → лицо’ (некоторые считают подобные образования результатом усечения, которое «не сопровождается прибавлением другой положительной морфемы» [18, с.22], т. е. ненулевой).

Література

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. IV: Концептуализация мира в языке. – С. 25-77.
2. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики / А.В. Бондарко. – СПб: С.-Петербургский госуниверситет, 2004. – 208 с.
3. Виноградов А.А. Словообразовательная категория субъекта в разноструктурных языках (на материале русских и венгерских отсубстантивных существительных со значением лица) / А.А. Виноградов // Актуальні проблеми менталінгвістики: Збірник статей за матеріалами VI Міжнародної наукової конференції. – Черкаси: Ант, 2009. – С. 83-85.
4. Виноградов А.О. Відсубстантивні іменники *nomina personalia* в російській мові та їх угорські відповідники / А.О. Виноградов // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. – Ужгород, 2009. – Вип. 13. – С. 24-27.
5. Виноградов А. Нетиповые соответствия в передаче венгерским языком русских суффиксальных наименований лиц / А. Виноградов // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. – Ужгород, 2009. – Вип. 13. – С. 24-27.
6. Виноградов А.А. Словообразовательные способы как концептуально-языковая база сопоставительного словообразования (на примере русского и венгерского языков) / А.А. Виноградов // Східнослов'янська філологія: Збірник наукових праць. – Горлівка, вид-во ГДПІМ, 2010. – Вип. 19: Мовознавство. – С. 20-31.
7. Виноградов А.А. Концептуализация мотивирующих областей для производных названий лиц в русском и венгерском языках / А.А. Виноградов // Русский язык в диалоге культур: Материалы международной научной конференции. – Воронеж, 2010. – Ч. 2. – С. 106-113.
8. Виноградов А.А. Русские суффиксальные наименования лиц и их типовые соответствия в венгерском языке / А.А. Виноградов // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – Ужгород, 2010. – Вип. 22. – С. 92-99.
9. Виноградов А. Соотношение лакун и соответствий в передаче венгерским языком русских суффиксальных наименований лиц / А. Виноградов // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Філологія. – Ужгород, 2011. – Вип. 23 [в печати].
10. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1989. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – С. 5-17. [3] Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I. –783 с.
11. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
12. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявцева. – К.: ИПЦ «Киевский ун-т», 2004. – 208 с.
13. Майтинская К.Е. Венгерский язык / К.Е. Майтинская. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – Ч. II: Грамматическое словообразование. – 227 с.
14. Милославский И.Г. О предмете сопоставительного словообразования / И.Г. Милославский // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Наука, 1987. – С. 58-62.

15. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
16. Попко Л.П. Неологизация в языке как трансляция культурно-лингвистической национальной ментальности / Л.П. Попко. – К., 2007. – 363 с.
17. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1.– 783 с.
18. Соболева П.А. Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений / П.А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики: 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 17-32.
19. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. – 314 с.
20. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования / М.Н. Янценецкая. – Томск: Изд. Томского ГУ, 1979. – 242 с.
21. Ярцева В.Н. Типология языков и проблема универсалий / В.Н. Ярцева // Вопросы языкознания. – М.: Наука 1976. – № 2. – С. 6-16.
22. Ярцева В.Н. К определению понятия «языковой тип» / В.Н. Ярцева // Лингвистическая типология. – М.: Наука, 1985.
23. Ярцева В.Н. Теория и практика сопоставительного исследования языков / В.Н. Ярцева // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. – М., 1986. – Т. 45. – № 6. – С. 493-499.

Словари

24. Венгерско-русский словарь / Отв. ред. Л. Гальди. – М.: Изд. АН СССР; Будапешт: Изд. Академии наук Венгрии, 1974. – 1116 с.
25. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П.Евгеньевой. – Изд. 3-е. – М.: Русский язык, 1985-1988.
26. Gáldi L. Orosz-magyar szótár. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. – 872 old.
27. Magyar értelmező kéziszótár / Lekt. J.Garamvölgyi. – Budapest: AK, 1974.

Анатолий Виноградов

РАНГОВОСТЬ СУБЪЕКТНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПРОИЗВОДНЫХ НАЗВАНИЯХ ЛИЦ РУССКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИХ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. В статье изучается взаимосвязь между рангом компонентов со значением лица (S-компонентов) в производных коррелятивных названиях лиц (НЛ) РЯ и ВЯ, мотивированных основными частями речи, как показателя идиоэтничности языкового содержания концептуальных форматов их НЛ.

Ключевые слова: ранговость S-компонентов, ЛСГ мотивирующих, структура композитных НЛ ВЯ, концептуальный формат НЛ, идиоэтничность содержания НЛ.

Anatolij Vinogradov

RANK OF SUBJECT-COMPONENTS IN THE DERIVATIVE RUSSIAN AND HUNGARIAN NAMES OF PERSONS AS THEIR CONCEPTUAL-LANGUAGE CHARACTERISTICS

Summary. An article investigates connections between the ranks of the person components (S-components) in correlative derivative names of persons (NP) in Russian and Hungarian, motivated by main parts of speech, as a marker of idioethnical character of language content of these NP's conceptual formats in both of languages.

Key words: rank of S-components, motivating LSG, structure of Hungarian composite NP, conceptual format of NP, idioethnical character of the content of NP in R. and H.

Виноградов Анатолий Олексійович – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови УжНУ